

ВОЛОГОДСКИХЪ

ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

№ 3.

Суббота, Января 17 дня, 1859 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Очертаніе Зырянской демонологіи, Священника Іакова Попова. (Продолженіе.)
- II. О выпускѣ воспитанниковъ Сѣверной Учебной Фермы.
- III. Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ.
- IV. Объявленіе.
- V. Частныя объявленія.
- VI. О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ.

I.

ОЧЕРТАНІЕ ДЕМОНОЛОГІИ ЗЫРЯНЪ.

1 СУСЪДКО (ДОМОВОЙ).

Зырянинъ, обыкновенно представляетъ сусѣдка сѣдымъ старикомъ, съ огромною бородою и приписываетъ ему способность быть невидимымъ во всякое время.

Изъ всѣхъ духовъ, въ существованіе которыхъ вѣрятъ Зыряне одинъ домовой, исключая «орта», иногда оказываетъ имъ благодѣяніе. Русское названіе этого духа (домовой), а Зырянское (сусѣдко) довольно ясно указываютъ на область его дѣятельности. Она не простирается далѣе одного дома съ его обитателями, изъ чего можно заключать, что каждый домъ имѣетъ своего домашняго

пената, благодѣтельствующаго или враждебнаго, смотря по извѣстнымъ ему одному причинамъ. Въ доказательство существованія домового, равно какъ и другихъ духовъ, Зыряне приводятъ многочисленные рассказы, слышанные ими отъ другихъ, и событія, въ которыхъ они сами были или дѣйствующими лицами, или очевидцами. Вотъ одно изъ этихъ событій, изъ котораго можно видѣть сущность и образъ дѣйствій домового.

У одного зажиточнаго мужичка были четыре лошади, которыхъ онъ содержалъ на хорошемъ и сытомъ кормѣ; всѣ онѣ были крѣпкаго сложенія, проворны, служили утѣшеніемъ для хозяина и доставляли ему порядочный доходъ. Но домовый, по неизвѣстной для мужичка причинѣ, не залюбилъ трехъ изъ нихъ. Бѣдныя лошади стали тощать и худѣть, а четвертая, сдѣлавшаяся наперстницей домового, жи-

рѣла, не смотря на то, что на ней, за истощаніемъ другихъ, работали очень довольно. Домовой въ каждую ночь до пѣннаго пѣта, гонялъ по конюшнѣ не любимую тройку, что выдавалъ и самъ мужикъ много разъ, а любимицу свою оставлялъ у яслей, куда приносилъ ей ячмень и сѣно, взятые изъ яслей не любимыхъ. Случалось даже и то, что одну изъ любимыхъ своихъ домовой заталкивалъ подъ ясли, а въ знакъ особеннаго расположенія къ своей любимицѣ, заплеталъ ей на гривѣ и хвостѣ косы, которыя впрочемъ крестьянинъ никогда не рѣшится ни расплести, ни отстричь изъ опасенія лишить лошадь любви домового. Не довольствуясь угнѣтеніемъ не любимыхъ лошадей мужичка, домовой, наконецъ, открылъ враждебныя дѣйствія и противъ него самого. Въ глухія ночи, онъ садился или ложился ему на грудь и давилъ ее столь сильно, что у него отнималась способность движенія и языка, не смотря на напряженныя усилія сбросить его или позвать кого-нибудь изъ семейства для подавнїи помощи. Въ одну изъ такихъ ночей, онъ, при крайнемъ усилии, могъ, какъ это видѣется, только спросить его: *къ худу или добру онъ давитъ его?*, на что домовой отвѣчалъ, *къ худу*; и дѣйствительно, черезъ мѣсяць, пропала не любимая домовымъ тройка лошадей. Впрочемъ давленіе домового, бываетъ иногда предзнаменованіемъ и счастливыхъ перемѣнъ въ жизни, какъ то: богатства, счастья и т. д.

Основною заблужденія Зырянъ относительно существованія домового служить, какъ это понятно каждому, незнакомство съ природою лошадей, различными свойствами ихъ волосъ и съ скотскими болѣзнями, которыя, по ветеринаріи, особенно разнообразны у лошадей, также незнакомство съ собственными болѣзнями и перемѣнами въ своемъ организмѣ, зависящими отъ различныхъ причинъ. По этому самому, Зырянинъ истощаніе лошади отъ неизвѣстной ему болѣзни приписываетъ злоумышленности домового; заплетеніе косъ на гривѣ или хвостѣ лошади, происходящее отъ вѣющагося свойства

волосъ, — особенной любви домового; а чувство чрезмѣрнаго давленія на грудь, или животъ, во время ночнаго сна, въ лежачемъ на спинѣ положеніи, встречающееся особенно у полнокровныхъ молодыхъ особъ, послѣ обремененія желудка труднотравимою пищею и крѣпкими напитками, а также при дождѣ съ грозой, при нечистотѣ воздуха въ спальнѣ — къ знаменательному давленію домового, при которомъ, вѣроятно, съ помощью воображенія, бодрствующаго и во время тѣлеснаго сна и сродной человѣчеству склонности олицетворять всю невидимую природу и данъ Зырянами этому духу образъ сѣдаго старика.

(продолженіе впереди.)

Священникъ Нючпасскаго завода — Устьсысольскаго уѣзда, *Іаковъ Поповъ*.

II.

О ВЫПУСКѢ ВОСПИТАННИКОВЪ, ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ НА СѢВЕРНОЙ УЧЕБНОЙ ФЕРМѢ ВЪ 1858 ГОДУ. (Сообщено Г. Управляющимъ Фермою О. С. Кеномъ.)

19 Декабря 1858 года произведено было публичное испытаніе 17-ти назначенныхъ нынѣ къ выпуску воспитанниковъ СѢврной Учебной Фермы, въ присутствіи Г. г. Ассесора Вологодской Палаты Государственныхъ Имуществъ и Преподавателя Сельскаго Хозяйства въ Вологодской Духовной Семинаріи.

Экзаменъ производился по всѣмъ предметамъ, составляющимъ опредѣленный Инструкціею курсъ ученія на Фермѣ, по окончаніи котораго прочитана была составленная на этотъ случай Управляющимъ Фермою записка, объясняющая о послѣдствіяхъ состоящаго годичнаго экзамена, изъ которой видно что:

ВОЛОГОДСКИХЪ

ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

№ 4.

Суббота, Января 24 дня, 1859 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Очертаніе Зырянской демонологіи, Священника Іакова Попова. (Продолженіе.)
- II. Солигалічскія минеральныя воды.
- III. Частныя объявленія.
- IV. О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ.

I.

ОЧЕРТАНІЕ ДЕМОНОЛОГІИ ЗЫРЯНЪ.

II. ВѢрса (лѣшій.)

Лѣшій у Зырянъ называется существо, выдаваемое въ образѣ *ослика*, *равняющагося ростомъ высокой сосны* и обладающее необыкновенною быстротою бѣга и неимовѣрною силою, превращающею въ груды развалинъ лѣса и горы. Впрочемъ и этотъ духъ, также какъ и домовой, представляется Зырянами существомъ тѣлеснымъ, безъ понятія, въ то время, о духѣ.

Мѣсто обитанія и поприще его дѣятельности опредѣляются, самымъ названіемъ его. Дремучіе лѣса—любимое его жилище, окрестности населенныхъ мѣстъ—

театръ его проказъ надъ малодушіемъ и легкомысліемъ Зырянъ. Они думаютъ, что каждый лѣсъ имѣетъ своего лѣшаго, гдѣ онъ живетъ съ своимъ семействомъ. Отношеніе его къ Зырянамъ всегда мимическое, легковраждебное, съ рѣдкими уклоненіями на чистовраждебное, что мы увидимъ изъ слѣдующихъ разсказовъ:

Одинъ восьмидесятилѣтній старикъ, выросшій, по его словамъ, въ лѣсу и испытавшій всѣ перевороты лѣсной жизни, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ 60 году своей жизни пасъ коровъ на пожняхъ у рѣки, въ 40 верстахъ отъ своей деревни. Однажды на канунъ Воздвиженева дня, когда лѣшіе преимущественно являються надъ людьми, онъ, по особому случаю, долженъ былъ провести ночь на пожняхъ. После ужина, въ сумеркахъ, вдругъ раздалось съ противоположнаго берега рѣки множество

двух голосовъ, называвшихъ его по имени. Старикъ струсилъ и перекрестился. Голоса замолкли; но минутъ чрезъ пять снова возобновились и по повтореніи старикомъ крестнаго знаменія, опять утихли. Это повторялось нѣсколько разъ и напугало старика не въ шутку. Онъ началъ пристально смотрѣть на противоположный берегъ. Вдругъ на самый утесъ берега вышло множество лѣшихъ разнаго вида и возраста, изъ коихъ одинъ, самый высакій ростомъ бросился въ рѣку и перешелъ ее бродомъ на мѣстѣ въ три сажени глубины. Замерло сердце въ старикѣ, и бѣдной повалился на землю, не издавъ и не помня отъ потери сознанія ничего болѣе, какъ только то, что все множество лѣшихъ пронеслось и проскакало мимо его, какъ вихрь. Прійдя въ сознаніе старикъ увидѣлъ, что рѣка прежде тихая и гладкая, теперь пѣнилась и шумѣла, какъ бы во время бури.

Этому же старику, извѣдавшему все въ жизни, случилось быть очевидцемъ несчастья дочери сосѣда. Дѣвица была пожилая и, какъ большая часть подобныхъ ей, брюзгливая. Мать, за упрямство и прекословіе ея бранила и кляла ее. Въ одну изъ обычныхъ бранливыхъ сценъ, мать напутствовала ее, идущую въ лѣсъ за ягодами, побоями и пожеланіемъ быть унесенною лѣшимъ. Прогнѣванная дочь, въ свою очередь, въ продолженіи всей дороги, изливала гнѣвъ на отсутствующую мать, въ глазахъ спутницъ своихъ. Старикъ, шедшій съ ними въ званіи вожатаго и сосѣдки останавливали ее отъ брани, въ которой она, преступивъ предѣлы благоразумія, упоминала даже имя самаго лѣшаго, что произносить въ лѣсу, также какъ и свистѣть, непозволительно, во избѣжаніе опасныхъ приключеній, могущихъ случиться отъ такого смѣлаго риска. Между тѣмъ путешественники дошли до назначеннаго мѣста, и, раздѣлившись на партіи, пошли по разнымъ сторонамъ искать ягодъ. Нашей героинѣ случилось уйти довольно далеко отъ своихъ сосѣдокъ и вотъ пожеланіе матери начало

исполняться. Въ лѣсу раздался свистъ и послышались шаги лѣшаго, сопровождаемаго вихремъ. Дѣвица начала творить молитву и звать своихъ сосѣдокъ на выручку. Лѣшій, явившись, вѣжливо попрощалъ ее успокоиться отъ тревожнаго воззванія о помощи, схватилъ ее и, какъ стрѣла, пустился съ добычею въ глубину лѣса. Свистъ лѣшаго и призывъ несчастной жертвы на помощь слышали старикъ и сосѣдки ея, но помощь стала уже не нужна. Черезъ четыре дня, послѣ усиленныхъ поисковъ, нашли ее на пожнѣ у избушки изнуренную голодомъ и работами въ домѣ лѣшаго, о чемъ сна, также какъ и о похищеніи, рассказывала потомъ сама.

Кромѣ подобныхъ разсказовъ, которыхъ у Зыряна весьма много, они видятъ присутствіе и дѣйствіе лѣшаго въ кружащемся вихрѣ, подъ прикрытіемъ котораго носится онъ въ свистѣ и воѣ, бывающемъ во время сильнаго вѣтра, въ скрипѣ, сухихъ шатающихся отъ вѣтра деревъ, въ боѣ древоточнаго червя, не рѣдко въ эхѣ, раздающемся отъ стука въ тѣни плущихъ облаковъ, въ плескѣ волнъ, въ далеко слышимыхъ уханьяхъ и пѣсняхъ соотчичей своихъ и, наконецъ, занятые мыслію о лѣшихъ въ собственной тѣни. На все такіе и подобные предметы и явленія природы Зырянскіе смотрятъ съ трепетомъ сердца и благоговѣніемъ.

Вышеприведенные два разсказа объясняютъ сами себя. Тутъ къ обыкновеннымъ явленіямъ природы, которымъ грубое суевѣріе дало другое значеніе, присоединилось воображеніе, самая обыкновенная вещь представляющее младенческому уму страшными, отъ чего, при малодушіи, происходитъ сильный испугъ и, наконецъ, слѣдствіе его—разстройство ума и прочихъ силъ души, для предотвращения котораго достаточно было бы одного надлежащаго изслѣдованія окружающихъ предметовъ.

(продолженіе слѣдуетъ.)

Священникъ Нючлаескаго завода—Устьемскаго уѣзда Іаковъ Поповъ.

Винный Приставъ <i>Олоблинъ</i> . . . —	60
Рудольфъ <i>Буиъ</i> —	50
Письмоводитель Городническаго Прав- ленія <i>Малесвинскій</i> —	50
Купеческій сынъ Александръ <i>Коко- ревъ</i> 3	—
Купцы: Александръ <i>Бойченко</i> . . . 3	—
Михайло <i>Тончисевъ</i> . . . 3	—
Димитрій <i>Архиповъ</i> . . . 1	—
Лаврентій <i>Тихановскій</i> . . . 1	—
Василій <i>Мальцевъ</i> . . . 1	—
Илья <i>Воронинъ</i> —	50
Василій <i>Шиловъ</i> —	50
Федотъ <i>Тихоміровъ</i> —	50
Мѣщанинъ <i>Шошевъ</i> —	30

II.

ОЧЕРТАНІЕ ДЕМОНОЛОГІИ ЗЫРЯНЬ.

III. КУЛЬ, ВАСА (водяной).

Со словомъ куль у Зырянъ соединено понятіе о существѣ, обитающемъ въ водѣ и имлющемъ видъ человека съ длинными и влажными волосами, которые оно, въ лѣтніе тихіе вечера, сидя на поверхности воды, чешетъ. Это существо Зырянами представляется совершенно тѣлеснымъ, не имѣющимъ никакихъ свойствъ духа, на примѣръ: невидимости, мгновенной быстроты движенія, что приписывается лѣшымъ и домовымъ. Оно считается рыбою, имѣетъ женъ, дѣтей, подводные дома, коровъ и проч.:.. Преимущественно оно живетъ въ мельничныхъ прудахъ, въ лѣсныхъ озерахъ, въ рѣчныхъ омутахъ, ознаменованныхъ какимъ-либо несчастіемъ, иногда въ зыбкихъ и топкихъ болотахъ. Новородившіяся дѣти его, имѣютъ неопредѣленную, безжизненную, мохнатую фигуру, которая, по поня-

тіямъ Зырянъ, получаетъ жизнь, развивается и принимаетъ опредѣленный видъ и форму постепенно, по мѣрѣ возрастанія.

По древнему преданію куль выходитъ изъ воды только одинъ разъ въ годъ, на канунѣ крещенія; вслѣдствіе чего ночь на этотъ день у Зырянъ считается самую опасною. Въ эту ночь водяные (*куття-войса, куття дадда*), (*) какъ тѣни, блуждаютъ по селамъ и деревнямъ, таская за собою сачки, вѣроятно, для перевозки въ воду попадающихъ несчастныхъ жертвъ. Присутствіе водяныхъ въ селеніяхъ служить у Зырянъ въ дни околорекренскіе самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ крикливости и бессонницы дѣтей. Одно слово: *куття войсаыдъ локтѣ* (водяной идетъ) равняется лучшему сонному порошку. Это же многосильное слово часто останавливаетъ отъ шалостей маленькихъ упрямцовъ, пренебрегающихъ бранью и угрозами. Въ остальное время года куль живетъ въ водѣ какъ владыка и полный хозяинъ этой стихіи. Попытка кого бы то ни было пройти черезъ его владѣнія и особенно въ близи его резиденціи не можетъ остаться безнаказанно. Каждый неосторожный шагъ и движеніе можетъ оскорбить владѣтеля и навлечь на дерзкаго гибель. Находясь въ вѣчной войнѣ съ человекомъ, онъ пользуется всеми удобными случаями повредить ему. По этому Зырянинъ, входя въ воду, непременно бросаетъ въ нее, въ угожденіе и умиловленіе *куля* и въ предотвращеніе бѣдствій, кусокъ хлѣба, или за неимѣніемъ его, камешокъ, щепку, глину или палочку.

(*) Такъ называютъ водяныхъ около-крещескихъ. Канунъ праздниковъ Рождества и Крещенія называется у Зырянъ *куття луиъ*, день кутти,—название, данное изъ обыкновенія готовить въ эти дни *кутью*, кашу изъ ячменной крупы съ сокомъ коноплянаго сѣмени, по причинѣ поста.

Здѣсь демонологія Зырянъ является уже облеченною въ нѣкоторый видъ служенія, почтенія и угожденія духу (*demonolatria*), тогда какъ этого неизвѣстно въ вѣрованіяхъ другихъ духовъ.

IV. ОРТЬ.

Зыряне твердо и несомнѣнно вѣрятъ въ существованіе какого-то духа или тѣни, называемаго *ортъ*. Что это за существо строго и точно опредѣлить нельзя ни по филологическому изслѣдованію значенія имени, ни изъ самаго понятія о немъ. Зырянъ, которое довольно неопредѣленно, но, какъ видно изъ разсказовъ ихъ, оно не лишено и нѣкоторой тѣлесности, что доказывается его видимостію, и имѣетъ свойство духа—неподлежность осязанію. Изъ соображенія же отношенія его къ Зырянамъ можно сдѣлать такое приблизительное понятіе о немъ: *Это гробовой духъ, прорицатель смерти.*

Мѣстомъ жительства орта Зыряне полагаютъ воздушное пространство, окружающее ихъ. Онъ, по мнѣнію ихъ, присущъ каждому человѣку и у каждаго свой особый. Къ младенцамъ, едва появившимся на свѣтъ, уже приставляется благодѣтельный *ортъ*, неуспѣшно стерегущій часъ смерти.

Удостоивающіеся получать предсказанія орта болѣею частію бываютъ родственники и друзья и знакомые человѣка близкаго къ смерти; непосредственныя предсказанія бываютъ весьма рѣдко. Образъ и способъ предсказаній весьма многочисленъ и разнообразенъ; символами предвѣстій смерти ортъ любитъ представлять что либо обыкновенное изъ домашнего быта Зырянъ. Принятіе на себя должности одного изъ членовъ семейства или роли извѣстнаго пола, класса и званія людей и явленіе въ этомъ видѣ, означаетъ смерть этого члена или одного изъ лицъ, при-

надлежащихъ къ семейству. Вообще образъ и способъ предсказаній всегда почти согласуется съ родомъ занятій умирающаго. Такъ, напримѣръ, явленіе орта рубящимъ что либо принимается за предзнаменованіе смерти взрослого мужчины, прядущимъ—взрослой женщины, перебирающимъ лопаты—хозяйки дома, качающимъ колыбель и рѣзвющимся—дитяти. (*) Кромѣ предсказаній, ортъ, по вѣрѣ Зырянъ, обходитъ, послѣ смерти каждаго, все мѣста, которыя посѣтилъ въ продолженіи жизни умершій. Основываясь на этомъ, Зырянинъ—бурлакъ, побывавши въ любимой Сибири, въ обыкновенной странѣ наживъ и счастья Зырянъ и возвратившись домой, товарищамъ, спрашивающимъ о числѣ и отдаленности обойденныхъ мѣстъ, говорить съ самодовольствіемъ: *ортъ туй—тѣ тали жѣ*, т. е. сдѣлалъ же дорогу для гробоваго духа.

Разказы Зырянъ по этому предмету весьма многочисленны, но все они кратки, какъ объясненія почти моментныхъ знаменательныхъ явленій орта. Приведемъ здѣсь одно событіе. Одна старуха разсказывала мнѣ, что въ ночь, въ которую умеръ ея отецъ, жившій отъ нея въ 130 верстахъ, приходилъ къ ней, сидѣвшей одной дома, гробовой духъ ея отца и, постучавшись подъ окномъ, подобно тому, какъ обыкновенно стучался ея отецъ, въ четыре пріема палкой, исчезъ. Черезъ недѣлю старуха узнала, что дѣйствительно въ эту самую ночь умеръ ея отецъ.

Само собою разумѣется, что Зырянинъ, бездоказательно и упорно вѣря въ существованіе орта и увлекаемый ложною любознательностію часа смертнаго, каждому чуть благопріятствующему и подходя-

(*) Здѣсь необходимо замѣтить, что ортъ, любя являться преимущественно ночью, при каждомъ почти явленіи своемъ, и особливо въ темныя ночи, имѣетъ при себѣ синій огонекъ.

щему подъ форму ортовыхъ прорицаний обстоятельству и случаю, незамедлить дать таинственный смыслъ и значеніе. Воображеніе Зырянина, привыкшее, при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ, представлять и осуществлять всегда одинаковые образы и предметы, не пропустить чась предсонный посвятить задушевной мечтѣ, съ которою онъ и засыпаетъ, составивъ изъ нея для ночнаго воображенія главный предметъ занятія.

Священникъ Нючпасскаго завода—Устьсысольскаго уѣзда, *Іаковъ Поповъ*.

(Окончаніе въ слѣд. №).

III.

ЧАСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ 20 верстахъ отъ г. Вологды въ имѣніи Г. Доводчиковой, въ селѣ Воскресенскомъ, продается посѣвнаго клевернаго въ смѣси съ тимофѣевской и луговаго сѣна до 6000 пудовъ.—1.

Вологодскій Каѳедральный Соборъ симъ объявляетъ, что принадлежащая оному пожни и пустоши отдаются въ оброчное содержаніе, а именно: 1) пожня *Большая Столбена*, въ которой земли

болѣе 17 десятинъ, разстояніемъ отъ города Вологды въ 39 верст.; 2) пожня *Бережная* или *Епанча*, въ которой земли болѣе 5 десят., разстояніемъ отъ Вологды въ 20 верст.; 3) пожня *Николыха*, въ которой земли болѣе 6 десят., разстояніемъ отъ Вологды въ 14 верст.; 4) пожня *Абрамиха*, въ которой земли около 2 десят., разстояніемъ отъ Вологды въ 8 верст. Всѣ эти пожни находятся по рѣкамъ Вологдѣ и Сухонѣ; и 5) двѣ пустоши: *Спирidonovo* и *Ваульцово*, въ которыхъ земли болѣе 133 десятинъ, разстояніемъ отъ Вологды въ 22 верст., и находятся по Московскому тракту, подлѣ деревни Маркова.

Желающіе взять эти пожни и пустоши въ оброчное содержаніе благоволятъ явиться въ Соборъ 16 Февраля сего 1859 года.—3.

IV.

О ПРИѢХАВШИХЪ И ВЫѢХАВШИХЪ

Съ 24-го по 31-е Января 1859 года.

ПРИѢХАЛИ:

Изъ Кадниковскаго уѣзда—Вельскій Лѣсничій *Грумбахъ*.

ВОЛОГОДСКИХЪ

ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

№ 6.

Суббота, Февраля 7 дня, 1859 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Очертаніе Зырянской демонологіи, Священника Іакова Попова. (Окончаніе.)
- II. Зырянскія загадки и пѣсни. (В. Ардашева.)
- III. Библиографическія извѣстія.
- IV. Частныя объявленія.
- V. О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ.

I.

ОЧЕРТАНІЕ ДЕМОНОЛОГІИ ЗЫРЯНЪ.

(Окончаніе.)

V. ШЕВА (порча).

Вѣря въ колдуновъ (*еретникъ чыкѣдчысъ*) Зыряне принимаютъ существованіе и порожденія ихъ—порчи (*шева*), какъ особой субстанціи, которая олицетворена ими въ образы бабочекъ изъ породы жуковъ, летающихъ въ воздухъ и входящихъ въ предназначеннаго къ порчѣ челоуѣка по повелѣнію колдуновъ. Въ существѣ своемъ *шева* есть злой духъ—*дьяволъ*, вселенный, въ челоуѣка колдуномъ, имѣющимъ тайныя связи съ нечистымъ духомъ.

Челоуѣкъ, сдѣлавшійся добычею мстительной злобы колдуна, мучится вселившеюся *шевою* разными внутренними болѣзнями и припадками, падаетъ нерѣдко въ обморокъ, кричитъ, бѣетъ и ломаетъ окружающее. Случается часто, что *шева* выпускается, также по ненависти колдуновъ, въ коровъ, лошадей и собакъ, испытывающихъ одинаковыя съ людьми послѣдствія присутствія ея.

Мнѣ, какъ, и всякому, быть можетъ, случилось быть очевидцемъ подобныхъ слѣдствій присутствія *шевы*. Ими страдала женщина. Въ періоды припадковъ она лишалась сознанія и чувствъ; *шева*, какъ шаръ, каталась въ брюшной полости по всевозможнымъ кривымъ и прямымъ линіямъ; рассказывала о своемъ происхожденіи, о своихъ родоначальникахъ—колдунахъ, о причинѣ и мѣстѣ вселенія своего, о

имени п о полѣ; отвѣчала на всѣ вопросы присутствовавшихъ и наконецъ успокоивалась.

Подобныя явленія, которымъ суевѣрный, невѣжественный, и недалководный въ своихъ понятіяхъ простой народъ даетъ свое истолкованіе, наука относитъ къ видамъ истеріи, весьма часто сопровождающимся лишеніемъ разсудка, при которомъ естественно возможны и неистовство, и крики, и безсвязныя рѣчи и проч.

VI ТИТИМЕРА (кикимора)

Это также порожденіе колдуновъ, имѣющее болѣею частью, видъ большой, 'мохнатой и уродливой куклы съ каррикатурной физиономіей, вселяющееся въ дома, по повелѣнію ихъ, въ отмщеніе за оскорбленіе, или по зависти, или по одному, свойственному имъ, недоброжелательству. Она, какъ и шева, въ существѣ своемъ, есть воплощенный злой духъ, тревожащій жильцовъ дома всевозможнымъ образомъ.

Присутствіе кикиморы проявляется въ жалобныхъ и грустныхъ столахъ въ подвалахъ, подпольяхъ и въ мѣстахъ потаенныхъ, въ внезапномъ, неистовомъ крикѣ и хохотѣ разныхъ голосовъ, въ стукѣ и свистѣ въ стѣнахъ дома, въ бросаніи домашней утвари по почамъ, въ стаскиваніи одѣялъ съ снѣжнихъ и въ хожденіи по почамъ въ жилыхъ избахъ. Доведенный подобными явленіями до отчаянія, Зырянинъ, истощивъ всѣ средства и потерявъ всякую надежду избавиться отъ присутствія кикиморы, часто бываетъ въ необходимости оставить домъ, построенный потомъ и трудами и переселиться въ другой домъ.

Одинъ зажиточный, но скупой крестьянинъ рассказывалъ мнѣ, что ему самому случилось. ченъ-

татъ на себѣ такое несчастье, причину котораго онъ полагалъ въ своей излишней бережливости. Условившись съ плотниками о цѣнѣ за постройку дома, онъ началъ дѣло. Работники часто просили у него водки, обѣщаясь за то употребить все свое искусство въ строеніи, въ противномъ же случаѣ угрожали посадить кикимору. Скупость не позволила ему тратить копѣйку на вино и домъ вышелъ невеселый. Днемъ и ночью слышенъ былъ въ немъ шумъ, крикъ и стукъ; опасно было входить въ него, потому что кикимора бросала съ верху въ вошедшаго все, попавшееся ей подъ руки. Мужикъ, истощивъ всѣ средства противъ нея, проклялъ свою скупость и принялся за постройку новаго дома, уже широко развязавши свой кошелекъ.

Нелѣпность этого вѣрованія съ разсказами о происшествіяхъ нельзя приписать ни къ чему иному какъ только той же близорукости, сопутствующей чрезвычайнымъ воображеніемъ, невѣжественности Зырянъ и при томъ такой невѣжественности, которая не только не можетъ, но и не желаетъ выйти изъ своего заблужденія чрезъ внимательное наблюденіе за окружающимъ ея.

Въ чемъ замѣчается сходство и развитіе между демонологіей Зырянъ и демонологіей сѣверныхъ краевъ? Нынешняя демонологія Зырянъ почти во всѣхъ частяхъ своихъ сходна съ вѣрованіями сосѣднихъ краевъ. Въ окружающихъ Зырянъ губерніяхъ—Архангельской, Вятской, Пермской и въ прочихъ уѣздахъ Вологодской, мы видимъ вѣрованія въ тѣхъ же домовыхъ, воданыхъ, лѣшнихъ, въ порчу и кикимору съ небольшимъ различіемъ въ образѣ вѣрованія и вѣроученія.

Вся особенность состоитъ въ вѣрованіи въ орта гробоваго духа, которое одно, изъ всѣхъ собственныхъ вѣрованій Зырянъ, осталось не потеряннымъ и даже неперешедшимъ въ другія мѣста, не только

населенныя иноплеменнымъ народомъ, но въ обитаемыя единоплеменными и говорящими однороднымъ языкомъ, каковы: Пермьки и Вотьяки, живущіе въ Пермской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ.

Священникъ Нючпасскаго завода—Устьсысольскаго уѣзда, *Іаковъ Поповъ*.

II.

ЗЫРЯНСКІЯ ЗАГАДКИ И ПѢСНИ.

Кузь, кузь мужикъ, да порсылышегъ эдзисъ озъ до. Пріятнѣйшіе звуки, отличнѣйшая острота! Понашему, по русски: огромнѣйшій мужикъ, да свиньѣ до лодышки нехватаетъ. Это зырянская загадка. Мужикъ, нехватаящій свиньѣ до лодышки, означаетъ дорогу. Слышала я эту загадку вблизи Печоры, а дороги тамъ, едва годныя для верховой ѣзды, проведены чрезъ болота; мѣстами, осенью, на дорогахъ этихъ ѣздокъ тонетъ по колѣно. Какъ ни болотисты, какъ ни топки эти дороги, все таки онѣ нехватаютъ свиньѣ до лодышки, нехватаютъ потому, что вблизи Печоры нѣтъ ни одной свиньи, тамъ ихъ не держатъ. *Пу юра, кудель кынома, изъ кока или: деревянная голова, кудельное брюхо, каменныя ноги.* Что это такое? Это неводъ, главное богатство зырянина—печеряка. *Быдъ керкаынъ летамъ вурынъ*—во всякой избуѣ есть битая шерсть. Битая шерсть эта означаетъ дымъ.

Отъ зырянскихъ загадокъ, какъ видите, очень остроумныхъ, перейдемъ къ зырянскимъ пѣснямъ.

Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?

— — *москесъ корсьны.*

— — *кучэмъ же москыдъ?*
— — *мылькья кымаса.*
Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?
— — *волэсъ корсьны.*
— — *кучэмъ же воыдъ?*
— — *лыса кымаса.*

Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?
— — *мэжэсъ корсьны.*
— — *кучэмъ же мэжыдъ?*
— — *зарни сера.*

Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?
— — *порсэсъ корсьны.*
— — *кучэмъ же порсидъ?*
— — *зарни щетя.*

Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?
— — *пѣтукэсъ же корсьны.*
— — *кучэмъ же пѣтукидъ?*
— — *полосъ сорса.*

Рой, рой, да кытчэже вѣтлынъ?
— — *чипанэсъ корсьны.*
— — *кучэмъ же чипаныдъ?*
— — *контусъ сера.*

Вотъ, самый точный переводъ этой пѣсни:

Рой, рой, да куда же ты ходилъ?
— — *корову искать.*
— — *какаяжъ она у тебя?*
— — *со широкимъ лбомъ.*

Рой, рой, да куда же ты ходилъ?
— — *лошадь искать.*
— — *какая жъ она у тебя?*
— — *съ лысиной на лбу.*

Рой, рой, да куда же ты ходилъ?
— — *барана искать.*
— — *какой же баранъ у тебя?*
— — *съ золотистой, пестротой.*

Рой, рой, да куда же ты ходилъ?
— — *свою свинью искать.*
— — *какая жъ она у тебя?*
— — *со щетиной золотой.*